

ЖИТИЕ НЕВИННО УБИЕННОГО МУЧЕНИКА ИМПЕРАТОРА ИВАНА VI АНТОНОВИЧА (12(23).08.1740 - 5 (16).07.1764)

«Житие невинно убиенного мученика императора Ивана VI Антоновича (12(23).08.1740 - 5 (16).07.1764)». Это «Житие» посвящено мученической судьбе Шлиссельбургского узника – российского императора Ивана VI, возведенного на престол в 1740 году – младенцем, при регенте Бироне. Вскоре он был свергнут Елизаветой Петровной, и более двадцати лет, в условиях абсолютной секретности, безымянным арестантом, томился в камере-одиночке, вплоть до бунта казака Василия Мировича и убийства Ивана его охранниками в тюрьме.

Он был сыном принца Антона-Ульриха Брауншвейг-Люнебургского и Анны Леопольдовны, племянницы императрицы Анны Иоанновны, внучки Царя Иоанна Алексеевича. Антон Ульрих (1714–1776), герцог Брауншвейг-Люнебургский, Вольфенбюттельский; Анна Леопольдовна (1718–1746), внучка Ивана V Алексеевича (1666–1696).

Вопрос о престолонаследии озабочивал Анну Иоанновну с самого ее воцарения. Она знала, что духовенство, народ и солдаты с большой любовью относятся к цесаревне Елизавете Петровне, которая жила в селе Покровском, в кругу близких ей людей. Анне не хотелось, чтобы после ее смерти русский престол достался Елизавете Петровне или внуку Петра Великого, Голштинскому принцу Петру-Ульриху. Она желала укрепить престолонаследие в потомстве своего отца, царя Иоанна Алексеевича.

Еще в 1731 году Анна Иоанновна обнародовала манифест об учинении всенародной присяги в верности наследнику российского престола, которого она впоследствии назначит.

Став всероссийской императрицей, Анна Иоанновна в 1737 году, после смерти последнего курляндского герцога из династии Кетлеров, постаралась доставить корону герцога курляндского своему фавориту Бирону. В угоду ей его признали в этом достоинстве и польский король, и император.

И вот 12 августа 1740 года у Анны Леопольдовны родился сын, названный при крещении, в честь прадеда, Иоанном.

Вскоре после рождения Иоанна Антоновича императрица тяжело занемогла, и тогда встал перед ней новый вопрос: кого назначить регентом? Она считала наиболее подходящим для этой должности Бирона, но, зная враждебные отношения к нему вельмож, опасалась еще сильнее восстановить их против своего любимца.

17 октября Анна Иоанновна, после жестоких страданий, переселилась в вечность на 47 году от рождения.

Не желая передать престол дочери Петра I Елизавете, перед смертью императрица Анна Ивановна (1693–1740) подписала манифест, в котором Иоанн

был объявлен наследником престола, регентом при котором стал ее фаворит, герцог Курляндский Эрнст Иоганн Бирон (1690–1772), до совершеннолетия (17 лет) Ивана Антоновича. А, пока минет ему семнадцать лет, повелела Бирону управлять государством в звании регента. Анна Леопольдовна и супруг ее были устранены от правления. Осталось, правда, сомнение, что государыня подписала это постановление, не читав его, и что герцог Курляндский сам присвоил себе власть самодержавную, не страшась последствий.

Бирон, со своей стороны, мечтал о регентстве и весьма ловко добился того, что государственные люди, пользовавшиеся доверием императрицы, как Миних, Остерман, Головкин, Левенвольде, князь Черкасский и многие другие, высказались за него, а Остерман поднес императрице к подписи манифест о назначении Бирона регентом до совершеннолетия Иоанна Антоновича. После долгих колебаний Анна Иоанновна согласилась на это. На другой день, 17 октября, она скончалась. Анна Ивановна умерла 17 (28) октября 1740 года в Петербурге. Похоронена Анна Ивановна 15 января 1741 года в Петропавловском соборе г. Петербурга.

Так русским императором был провозглашен двухмесячный Иоанн VI Антонович, под регентством курляндского герцога Бирона.

Все эти обстоятельства повлияли отрицательно на судьбу императора Ивана. И его правление продолжалось недолго.

18 октября 1740 года, на другой день после смерти Анны, маленького Ивана перевезли с большой торжественностью в Зимний дворец.

Сначала правитель империи оказывал должное уважение родителям малолетнего Иоанна. Он изъявил согласие, чтобы они жили вместе в Зимнем дворце.

Определил принцессе Анне Леопольдовне на собственные ее расходы по двести тысяч рублей серебром в год. Принял от Сената титул Высочества не иначе, как с предоставлением оного и принцу Брауншвейгскому.

Между тем, для утверждения своей власти, Бирон продолжал употреблять насильственные меры. Рассылал везде лазутчиков. Доверяя их донесениям, подвергал мирных жителей арестам, пыткам. Петербургские улицы были наполнены караулами и разъездами. Так, в числе жертв гвардии капитан Ханьков и поручик Аргамаков были подвергнуты мучительным наказаниям за нескромные слова.

Между Бироном и родителями императора Иоанна Антоновича начались недоразумения. Был открыт заговор, имевший целью устранить правителя и поставить на его место принца Брауншвейгского или его супругу. Не подлежало сомнению, что принц находился в сношениях с заговорщиками. Правитель его канцелярии Грамматин признался, во время истязаний, что лейб-гвардии Семеновский полк должен был арестовать Бирона со всеми его приверженцами. В то же время, распространялись слухи, что Анна Леопольдовна не в состоянии реально править империей. Ее осуждали за то, что целые дни она проводила не одетая и не чесанная или в мечтах, или за чтением романов.

Секретарь Анны Леопольдовны Семенов якобы открыто сомневался в подлинности подписи императрицы на указе о регентстве. Бирон негодовал и в гневе пригрозил Анне Леопольдовне, что вышлет ее с мужем в Австрию, а в

Россию призовет принца Голштинского. В то же время он намеревался преобразовать гвардию: рядовых из дворян определить в армейские полки офицерами и заместить их простолюдинами. Бирон апеллировал к собранию кабинета, Сената и генералитета, которое единогласно стало на сторону Бирона. Отцу императора пришлось публично выслушать крайне резкое замечание даже от начальника тайной канцелярии, А.И. Ушакова. Бирон вызывал его на поединок, когда Антон-Ульрих, без намерения, положил левую руку на эфес своей шпаги. Принц с терпением выслушал оскорбительные отзывы и возразил только, что не обязан отвечать за разговоры и поступки своего секретаря. На другой день Антон-Ульрих принужден был отказаться от военных должностей.

Так действовал похититель престола. Ропот против него усиливался. Не доставало предприимчивого руководителя. Все эти унижения и угрозы Бирона испугали и встревожили Анну Леопольдовну. Она обратилась за советом к Миниху. Тот предложил свои услуги. И Анна Леопольдовна в ночь 9 ноября 1740 года совершила государственный переворот. Личность Бирона была очень непопулярна в народе и дворцовых кругах, поэтому в эту роковую ночь главнокомандующий войсками генерал-фельдмаршал Бургард Кристоф Миних (1683–1767) при помощи своего адъютанта Манштейна и горсти гвардейцев арестовал герцога Курляндского Бирона вместе с его женой. Ночью, тиран, со связанными руками, покрытый солдатским плащом, был отвезен из Летнего дворца в Шлиссельбургскую крепость. Той же участи подверглись его родные и приверженцы. Над арестованными был наряжен суд, приговоривший Бирона и Бестужева к смертной казни четвертованием. Но, помилованные правительницей, они были сосланы: первый – в Пелым, заштатный город Тобольской губернии (только в 1761 г. помилован императором Петром III Федоровичем), второй – в свои деревни. 9 ноября был обнародован манифест о назначении правительницей государства, вместо Бирона, Анны, с титулом Великой Княгини и Императорского Высочества. По случаю этого события были объявлены милости народу и возвращены многие, сосланные в Сибирь предшествующим правительством.

Миних рассчитывал получить больше за свое победное шествие. Однако Остерман, оттертый от премьерства, нашептал Анне Леопольдовне, что с Минихом Россия погибнет ровно через четыре недели, два дня и восемь часов без четверти. Анна в ужасе согласилась отправить Миниха командовать первой попавшейся войной, а из премьеров уволила немедленно, именем Иоанна Антоновича. А так как войны на данный момент не было, то 3 марта 1741 года главкома проводили на пенсию с извинениями и уверениями.

Принцесса Анна Леопольдовна объявлена была правительницей империи и Великою княгиней. Гвардейские полки с шумным восторгом приветствовали ее и младенца-императора Иоанна Антоновича, который был им показан в окно. Принц Брауншвейгский получил титул Его Императорского Высочества и, вскоре, возведен супругою своей в соправители.

Беспечность правительницы и устранение от дел Миниха и Остермана,

содействовали приверженцам цесаревны Елизаветы Петровны в отважном их предприятии.

С ее подачи, в это время в стране распространялось мнение, что пятнадцать лет российский престол занимали хотя и родственники основателя империи Петра Великого, но не прямые. А в это же время жила то в Москве, то в Петербурге, то в деревнях своих его родная дочь - Елизавета Петровна. Так и проходила жизнь родной дочери Петра Великого при ее предшественниках на престол - и при племяннике ее Петре II, и при Анне Ивановне, и при формальном императоре Иване VI, который ее отцу-императору Петру Великому был и вовсе десятая вода на киселе. Полное равнодушие к политике и неспособность к интригам, при существовании к тому же за границей внука Петра Великого, принца Голштинского, спасли Елизавету от пострижения в монастырь и от брака с герцогом Саксен-Кобург-Мейнингенским. Не лучше стало положение царевны и с переездом ее в Петербург при Иоанне VI Антоновиче, хотя Бирон, по-видимому, благоволил к ней и увеличил выдававшееся Елизавете из казны содержание.

Сближение России с Австрией было нежелательно не только для Пруссии, но и для Франции, которой, в конце концов, удалось подстрекнуть Швецию объявить войну России (28 июня 1741 года). Эта неудачная для Швеции война закончилась Абосским миром. А, начиная войну, шведы манифестом, обращенным к русским, объявили себя защитниками прав на русский престол Елизаветы и Петра, герцога Голштинского. В Петербурге, еще до войны, шведский посланник Нолькен и французский посол Шетарди интриговали с целью возвести цесаревну Елизавету на престол, убеждая ее уступить шведам русские прибалтийские земли в благодарность за военную помощь. Шетарди сносился с цесаревной и лично, и через Лестока, но не добился определенного ответа. Елизавета хорошо понимала, что главная ее поддержка – не шведы и французы, а гвардия. Интриги Шетарди велись довольно неловко. Английский посол подробно рассказал о них Остерману. Канцлер сообщил о том правительнице, но ни его представления, ни убеждения Ботты и принца Антона-Ульриха не побудили ее принять решительные меры против сторонников цесаревны. Головкин советовал, для прекращения всяких попыток к ниспровержению правительницы, принять ей титул императрицы, но и это она отложила до дня своего рождения – 7 декабря 1741 года.

В ночь с 24 на 25 ноября 1741 года дочь Петра Елизавета с преобращенцами произвела стремительный и совершенно бескровный дворцовый переворот, арестовав младенца-императора Ивана VI, его сестру – Екатерину (родилась 26 июля 1741 года), арестовала правительницу, ее мужа и нескольких придворных и немногочисленных сторонников Брауншвейгской семьи.

Вот как это было.

Елизавета обратилась к гренадерам: «Знаете, кто я? Я – дочь Петра!.. И дух его – во мне!..» Она сказала, что ей принадлежит трон. Но дальняя родня ее обходит. Елизавета решила забрать власть у немцев. И призвала гренадеров послужить ей, как они служить умели ее отцу Петру Великому.

Елизавета говорила, что правительница Анна Леопольдовна в день своего

рождения императрицею себя объявит! А ее, Елизавету, сошлет насильно в монастырь. Промедление, считала Елизавета, подобно смерти! Можно и Отечество потерять – и начнется великое смятение в России, а потом и во всем мире.

Елизавета упала на колени перед гренадерами, подняла крест, и взяла с гвардейцев клятву, что они помогут ей свергнуть императора Ивана, а с ним – и всю Брауншвейгскую семью!

Гвардейцы Преображенского полка устремились за Елизаветой во дворец. Им преградили дорогу офицеры охраны царских покоев с призывом: «Умрем за императора Ивана!»

Но Елизавета приказала гренадерам «арестовать злодеев!» И все устремились за Елизаветой во дворец.

Цесаревна со свечой с тридцатью гренадерами лично вошла в покои правительницы и разбудила ее. Анна Леопольдовна не сопротивлялась перевороту, а лишь просила не делать зла ни ее детям, ни Юлиане Менгден. Елизавета успокоила ее, обещала исполнить ее просьбу, и пошла в спальню императора Ивана. Гренадеры велели Анне Леопольдовне одеться и арестовали ее по приказу Елизаветы.

Анна Леопольдовна ворчала, что еще вчера на куртаге цесаревна Елизавета клялась в слезах, что заговора нет.

Потом, спохватившись, она с тревогой спросила, где сейчас ее сын Иван? Гренадеры ее в царские покои не пустили, сказав, что велели ждать, пока младенец не проснется.

Анна Леопольдовна заявила, что за своих детей она не отречется от права на российский престол! И со слезами молила гренадеров не душить ее детей младенцев Ивана с Катериной.

Гренадеры вынесли из соседней комнаты завернутого в одеяло генералиссимуса Антона Ульриха, с мундиром в руках. Ульрих сопротивлялся и кричал: «Не смейте! Я – герцог Брауншвейгский! Я в родстве с императорами – Римским, Австрийским, с королем Английским и Прусским!»

Наконец, Ульрих надел мундир и укорил Анну Леопольдовну: «Вас просил, весь двор: “Ваше высочество, вы – на краю у бездны! Императора спасите!” А вы утверждали: “Елисавет невинна!”

А Анна Леопольдовна сожалела: «Мы бежать хотели. И сам Бирон грозился нас домой отправить в Брауншвейг. Зачем остались?..»

Одевшихся Анну и Ульриха гренадеры взяли под арест и увели.

Полки срочно подходили к царскому дворцу присягнуть на верность Елизавете. Иностранные посольства, в том числе шведское, и французское, с подачи сторонников Елизаветы, одобрили перемены власти в России!..

Елизавета вышла к ликующему народу. Ей стали целовать руки, ноги, платье.

Все кричали: «Vivat, императрице нашей, слава!..»

Про младенца же говорили: «Иван стал царствовать чуть не в утробе, а кончил – не успев заговорить».

Кормилица отнесла младенца Ивана в кордегардию, где Елизавета взяла его на

колени. Слыша радостные возгласы на улице, ребенок развеселился и, улыбаясь Елизавете, запрыгал у нее на руках. Елизавета растрогалась. «Гулит несчастное дитя! – сказала она при всех. – Ты не знаешь, что клики сии лишают тебя престола. Виноваты одни твои родители». Возможно, Елизавета разыграла эту сцену, желая произвести впечатление на гвардию. Скорее всего, императрица просто притворялась, будучи мастерицей притворства. Она взяла его в сани и повезла в свой дворец, куда привезли и семью правительницы. В ту же ночь были арестованы Миних, Остерман, Левенвольде, Головкин, Менгден, Лопухин. В манифесте 27 ноября 1741 года, говорившем об упразднении правительства императора Иоанна VI, было объявлено об участии всей брауншвейгской фамилии.

Елизавета в своем обращении говорила о том, что по завещанию Екатерины, после Петра Второго она осталась законною наследницей престола. Но, происками немца Остермана духовная Екатерины скрыта, ради курляндской Анны Иоанны, ради немецких принцев Брауншвейгских. И вместо одного – уже толпа у трона государей собралась!.. Оракул Остерман при пяти российских самодержцах тайно правил, не почитая Бога и народ. А Миних под Очаковым уйму российских солдат погубил напрасно. И рвался стать молдавским господарем и украинским гетманом. Те оборотни, Остерман и Миних, служили не стране, а сатане. Неправедно нажитые богатства они слали за море, клали в банки.

Все верноподданные государства, духовные, мирские все чины, особо лейб-гвардейские полки, – говорила Елизавета, – для пресечения происходящих и опасных впредь беспокойств, просили нас, яко по крови ближе, чтоб мы отеческий престол российский изволили немедля воспринять...

Все поклялись Елизавете в верности. А хитрая дочь Петра, в манифесте сообщила, что и Брауншвейгская семья сегодня ей присягнула в верности. За это она, в силу родства по матерям, с монаршей милостью природной, простила предосудительные их поступки. Елизавета решила не причинять Брауншвейгской семье никоих огорчений и утеснений. И, с надлежащей честью, решила отправить всех в свое отечество, в Брауншвейг...

Елизавета перекрестилась, поцеловала крест, поклонялась народу и, под радостные крики собравшихся, ушла со своими сторонниками во дворец.

Для всей России Елизавета, Петрова дочь, давно была ожидаемой государыней. И закон закрыл глаза на то, что этих прав она не имела. Даже русская церковь словно забыла, что родилась Елизавета за три года до брака ее родителей. А что для церковников есть презреннее, чем небрачное дитя? Но то, что закон не был строг, а церковь забывчива, было, считали, во благо России. Ложь во спасение? Может быть, и так. Правда иногда бывает так страшна и остра, что не лечит, а убивает душу. Да и кому была нужна на престоле Анна Иоанновна с ее кровавым любовником Бироном?.. Но за этот грех сполна ответила Брауншвейгская семья, с несчастным императором Иваном VI Антоновичем... Только теперь, когда цесаревне Елизавете шел тридцать третий год, она взошла на трон отца при помощи своих сторонников, сумевших поднять всего одну роту

гренадеров Преображенского полка.

Убедившись в полном одобрении обществом совершившейся перемены, Елизавета издала 28 ноября новый манифест, где подробно и без стеснения в выражениях доказывала незаконность прав на престол Иоанна VI и выставляла целый ряд обвинений против немецких временщиков и их русских друзей. Все они были отданы под суд, который определил Остерману и Миниху смертную казнь посредством четвертования, а Левенвольду, Менгдену и Головкину – просто смертную казнь. Возведенные на эшафот, они были помилованы и сосланы в Сибирь. Обеспечив за собой власть, Елизавета поспешила наградить людей, которые способствовали вступлению ее на престол или вообще были ей преданы, и составить из них новое правительство. Гренадерская рота Преображенского полка получила название лейб-кампании. Солдаты не из дворян были зачислены в дворяне, капралы, сержанты и офицеры повышены в чинах. Все они, кроме того, были пожалованы землями преимущественно из конфискованных у иностранцев поместий.

Бывшую правительницу Анну Леопольдовну вместе с мужем и императором Иоанном VI отправили в Ригу. Предполагалось, по-видимому, их просто выдворить из России за границу в Германию, в обмен на отречение от всех прав на российский престол. Но это обещало постоянную угрозу ее спокойствию. Елизавета была готова воспользоваться помощью иностранцев, боясь их военного вторжения под предлогом восстановления на престоле законного государя. Недовольные существуют во время любого правления и готовы в любой момент объединиться вокруг претендента. Английский посланник Вейч сообщал своему двору, что в июне 1742 г. горсть людей решила убить императрицу и герцога Голштинского, но участников заговора раскрыли. До конца дней Елизавета вела «ночной образ» жизни, боясь заснуть и быть свергнутой, а призрак малолетнего императора постоянно преследовал ее. После попытки противников Елизаветы организовать переворот в пользу Иоанна VI, она изменила свое решение. Свергнутую регентшу и ее мужа, доехавших уже почти до границы, задержали в Риге и посадили в тюрьму. У низложенной династии оказались деятельные враги и друзья. Первые были сильнее вторых. Прусский посланник, от имени своего короля, и француза Шетарди, лично от себя, советовали сослать брауншвейгскую фамилию вглубь страны. Маркиз Ботта и Лопухины интриговали (ограничиваясь болтовней) в пользу низложенного правительства. Но нашлись и более решительные сторонники Анны Леопольдовны. Так, камер-лакей Турчанинов замыслил царубийство с целью освободить престол для Иоанна VI. Все это ухудшило положение семьи бывшей правительницы. 13 декабря 1742 года их и, в большой тайне, заключили в крепость Дюнамюнде в предместье Риги, где у Анны Леопольдовны родилась дочь Елизавета. В Дюнамюнде брауншвейгцы провели более полутора лет, до сентября 1743 года.

Но позднее, в январе 1744 года, Брауншвейгское семейство перевезли в г. Ораниенбург (ныне г. Чаплыгин, Липецкой области), куда прибыли и неразлучные с ними Юлиана Менгден и адъютант принца Антона-Ульриха, полковник Геймбург. В июле того же 1744 года в Ораниенбург прибыл барон

Корф с приказом императрицы перевезти Брауншвейгскую семью сначала в Архангельск, а потом в Соловки, с намерением заточить их в Соловецком монастыре.

В Ораниенбурге, городе Рязанской губернии, несчастные родители были разлучены с Иоанном, которого заключили в Шлиссельбургскую крепость.

Забегая вперед, скажем несколько слов о дальнейшей судьбе Брауншвейгской семьи.

Бывшая правительница отправилась в далекий и тяжелый путь, больная, в осеннюю распутицу. Ее страдания усугубились тем, что Юлиану Менгден, вместе с полковником Геймбургом, оставили в Ораниенбурге под крепким караулом.

Брауншвейгская фамилия до Соловков добраться не смогла. Ранние льды сделали невозможным переезд в Соловки. И Брауншвейгскую семью оставили в Холмогорах. Новая темница изготовлена была для них в Холмогорах, небольшом городке, лежащем на острове Двины в 72 верстах от Архангельска.

Брауншвейгскую семью поместили в бывшем архиерейском доме, обнесенном высоким тыном, под бдительным надзором сторожей, совершенно разобщившим ее с внешним миром. Этот далекий северный город стал местом их окончательной ссылки.

Развлечением заключенных были прогулки по саду при доме и катанье в карете, но не далее двухсот сажен от дома, и то в сопровождении солдат. Заключенные, вследствие ничтожности средств, отпускаемых на их содержание, и произвола стражи, часто нуждались в самом необходимом для существования. Жизнь их была очень тяжела. В таких условиях у Анны Леопольдовны родились сыновья Петр (19 марта 1745 года) и Алексей (27 февраля 1746 года). Родив последнего, Анна Леопольдовна заболела родильной горячкой и скончалась в марте 1746 года, на 28 году от рождения. 7 марта 1746 года Гурьев, сменивший в Холмогорах Корфа, отправил, согласно данной ему инструкции, тело бывшей правительницы в Петербург, где Анна Леопольдовна была похоронена с большой торжественностью в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. Рождение принцев Петра и Алексея было скрыто от народа, ведь они были потенциальными наследниками российского престола. Причиной смерти Анны Леопольдовны объявили «огневицу». После смерти жены Антон-Ульрих жил в Холмогорах еще 29 лет.

Вообще, пока брауншвейгцы двигались к своему постоянному месту ссылки, в России то и дело разоблачались заговоры. Отсюда возникло, между прочим, мрачное дело Лопухиных. Дела, подобные лопухинскому, возникали по двум причинам. Во-первых, из-за преувеличенного страха перед приверженцами Брауншвейгской династии, число которых было крайне ограничено. Во-вторых, из-за интриг лиц, стоявших близко к Елизавете Петровне, например, из-за «подкопов» Лестока и других против Бестужева Рюмина. Лесток был приверженцем союза с Францией. Бестужев-Рюмин – приверженцем союза с Австрией. Так в домашнюю интригу вмешались иностранные дипломаты.

Но Екатерина не забывала укрепиться во власти и укрепить во власти своих приверженцев. 25 апреля 1742 года – ровно через пять месяцев после переворота

– в Москве состоялась коронация Елизаветы Петровны. И в тот же день ее любовник бывший пастух и певец Алексей Разумовский стал кавалером ордена Андрея Первозванного и обер-егермейстером. Гендриковы, Ефимовские, Петр Михайлович Бестужев-Рюмин и два его сына – вице-канцлер Алексей Петрович и обер-гофмаршал Михаил Петрович – получили графские титулы, а секретарь Елизаветы Петровны – Иван Антонович Черкасский – стал бароном.

Вскоре после коронации Елизавета Петровна без всякой помпы, тайно, обвенчалась с Разумовским в небольшой бедной церквушке подмосковного села Перово. Обряд венчания произвел ее духовник Федор Яковлевич Дубянский, образованный богослов, пользовавшийся большим уважением у набожной императрицы.

Итак, при переезде из Ораниенбурга четырехлетний Иван был изолирован от родителей и воспитывался отдельно. Иоанн VI пробыл там около 12 лет в полном одиночестве. Единственный человек, который виделся с ним, был наблюдавший за ним майор Миллер. Однако слухи о его пребывании в Холмогорах быстро распространились. Это место не показалось Елизавете достаточно надежным. И Иоанна VI было решено перевести в Шлиссельбург.

В 1756 г. юношу привезли в Шлиссельбургскую крепость, в которой он содержался в условиях абсолютной секретности: к нему никого не допускали и его не должен был видеть никто, включая крепостных служителей. В Шлиссельбурге его содержали в одиночном заключении. О том, кто этот узник, знали только три офицера. Сохранившиеся сведения позволяют, однако, утверждать, что Иван знал о своем царском происхождении. Кто-то из охраны научил его читать.

А в камере была так называемая Елизаветинская Библия, которая была после перевода по указу императрицы Елизаветы издана в России в 1751 году. И Иоанну разрешили читать Библию.

Елизаветинская Библия – это название перевода Библии на церковно-славянском языке, изданного в 1751 году в правление императрицы Елизаветы Петровны (от ее имени перевод и получил свое название). Елизаветинская Библия с незначительными поправками до настоящего времени используется как авторизованный для богослужения текст в Русской православной церкви.

Во время изучения документов по истории Иоанна Антоновича, я, несмотря на субъективность суждений о его помутившемся рассудке, пришел к твердому убеждению, что Святое писание как раз и спасло императора Ивана. Оно помогло ему сохранить человеческий облик и здравый рассудок в нечеловеческих, звериных условиях жизни в «сучьей будке» (так называют камеру-одиночку) в течение долгих лет заключения. И тогда мой главный герой исторической хроники в стихах «Император Иван» мог заговорить словами Библии. Иван Антонович мог знать часть Библии наизусть.

Как будто в искупление греха Елизаветы, свергнувшей на мучение императора Ивана, Господь надумил ее издать перевод Библии к моменту заточения этого Ивана в 1756 году в «необитаемую» камеру-одиночку в Шлиссельбургской крепости, чтобы эта Библия спасла его от потери человеческого облика.

И это спасение разума российского императора Ивана Антоновича Библией является историческим чудом.

Как ни старались представить его косноязычным с помутившимся разумом, он отстаивал свое достоинство. Из глубины веков до нас доносятся слова Иоанна Антоновича: «Я здешней империи принц и Государь ваш!»

По целым годам после этого он не видел человеческого лица. В его камеру входили, предварительно приказав ему спрятаться за ширму. Он никогда так и не узнал места своего заключения. Рапорты от 1759 года изображают его, впрочем, не совсем нормальным. Но его тюремщики полагали, что он мог и симулировать сумасшествие.

Он был заточен в Санкт-Петербурге, в Шлиссельбургской крепости, в мрачном одиночном каземате. В углу висела икона Христа Спасителя. В центре каземата было узкое с решеткой мутное окно. Под окном стояли стол и табурет. На столе были миска с едой, бутылки с напитком, горящая коптилка и Елизаветинская Библия. В боковой стене была черная окованная железом дверь с «глазком» в сени. Рядом с дверью была кафельная печь, с топкой из сеней. В глубине каземата был люк в полу, уборная. За тесовой ширмой стояла аккуратно застланная постель.

Иван часто сидел за столом перед раскрытой Библией.

И для Елизаветы, и для сменивших ее Петра III и Екатерины II Иван продолжал оставаться постоянной угрозой. Хотя он был теперь уже почти что легендой, его не забыли. Около десятка раз возникали заговоры, имевшие целью освободить свергнутого императора из неволи и вновь возвести его на престол. Люди принимали смерть за спасение Ивана.

Например, Манштейн до конца жизни оставался в Пруссии, на службе Фридриха II. И к этому времени относится произведенная при его участии попытка некоторых членов прусского правительства произвести в России бунт в пользу Ивана Антоновича путем привлечения к этому делу раскольников, живших на Ветке. На прусской службе Манштейн достиг чина генерала, участвовал в семилетней войне и в 1757 г.

Важность тайного заключения Ивана подтверждается тем, что его в камере посещала императрица Елизавета.

В 1762 году Ивана VI посетил император Петр III, который собирался выпустить его из тюрьмы и устроить каким-нибудь служащим при царском дворе. Под видом офицера он посетил Иоанна VI и нашел, что жилище его скудно меблировано, сам узник одет бедно, говорит бессвязно. Но Иван на вопрос Петра III: «Ты знаешь, кто ты?» ответил четко: «Я император Иван» и замахнулся на него табуреткой (после чего ее привинтили к полу). Тогда Петр III велел бить его нещадно и сажать на цепь за малейшее неповиновение. Петр считал, что умственные способности узника расстроены.

После убийства Петра III власть перешла к Екатерине II. Ею было заменено окружение Иоанна и издан указ, предписывающий склонять пленника к принятию монашества. Она решила отправить его монахом подальше от

столицы в монастырь под постоянным присмотром. А двум его стражникам велела дать строгое предписание никому узника не выдавать, а при попытке освободить его кем-либо из сторонников, охране приказала умертвить Иоанна. Через некоторое время Екатерине было доложено, что арестант согласен принять монашеский чин. Вот тогда доверчивый Иван стал мечтать о жизни в монастыре. Видевшая его в 1762 году Екатерина II утверждала, что он был сумасшедшим. Но это была ложь, чтобы скрыть способность Ивана управлять страной по-праву. Екатерине даже предлагали выйти замуж за Ивана Антоновича, чтобы легитимно утвердиться на престоле, который она заняла незаконно.

При Иване Антоновиче находились безотлучно два сторожа, которым было строго наказано: скорее умертвить пленника, но не выпускать его на волю. И, тем не менее, однажды Иван быстро принес из-за ширмы свою металлическую миску, забрался на стол и выбросил ее из своего тюремного окна. Эту миску нашли во дворе тюрьмы и увидели, что на ней было нацарапано «Я Император Иван». В Шлиссельбурге поднялся страшный переполох.

Так люди узнали, в какой камере сидит император Иван.

В июне 1764 года святая блаженная Ксения Петербургская стала целыми днями горько плакать. (В моей исторической хронике Борис Рябухин «Император Иван» она стала узнаваемым прообразом Аксины).

Все люди, встречавшиеся с ней, видя ее в слезах, жалели блаженную, спрашивали: «Что ты, Андрей Федорович, плачешь? Не обидел ли тебя кто?» Блаженная отвечала: «Там кровь, кровь, кровь! Там реки налились кровью, там каналы кровавые, там кровь, кровь». И плакала еще сильнее.

Но этих странных слов тогда никто не понял.

А три недели спустя предсказание блаженной Ксении исполнилось: при попытке освобождения Иоанн Антонович был зверски убит в каземате Шлиссельбургской крепости.

Около десятка раз возникали заговоры, имевшие целью освободить свергнутого императора Ивана из неволи и вновь возвести его на престол. Последняя такая попытка была предпринята в 1764 году, когда подпоручик Мирович, несший караульную службу в Шлиссельбургской крепости, решил освободить «царя Ивана». Несмотря на строгость соблюдения тайны, стоявший в гарнизоне крепости подпоручик Смоленского пехотного полка Василий Яковлевич Мирович узнал ее, и решил совершить переворот, освободив Иоанна и провозгласив его императором. С помощью поддельных манифестов, он склонил на свою сторону гарнизонных солдат, арестовал коменданта крепости и потребовал выдачи Иоанна. После недолгого сопротивления, охрана сдалась, предварительно выполнив инструкцию Екатерины и убив узника.

После тщательного расследования, определив, что сообщников у Мировича не было, его приговорили к смертной казни и отрубили голову. Помогавшие ему солдаты были прогнаны сквозь строй, шесть человек сосланы на каторгу, а остальные 41 человек отправлены в Сибирский корпус. Многие современники считали, что попытка освобождения Иоанна была тщательно продумана самой Екатериной, а Мирович был всего лишь исполнителем. Никаких документальных

источников, подтверждающих эту гипотезу нет, однако ряд компетентных источников считают ее правдоподобной. Минович был внуком сподвижника гетмана Мазепы, это сказывалось на его карьере и было по самолюбию. Он дважды обращался с просьбами к императрице Екатерине. И получал ее резолюцию: «Отказать!» Вероятно, Екатерина искала подходящего человека и, узнав о Миновиче, предложила ему инсценировать попытку освобождения Иоанна VI. Минович перед решительным днем действий сумел обманом уговорить священника заочно соборовать его, так как знал, что идет на верную смерть. За то, что Минович был уверен в своей безнаказанности, говорит тот факт, что, стоя на эшафоте, он до последней минуты ждал гонца от императрицы с указом о помиловании.

Несчастный Иоанн, родившийся в порфире и разлученный в младенчестве с виновниками его бытия, брошенный в темницу, в которую не мог проникнуть дневной свет, где свечи горели непрерывно, лишенный чистого воздуха, обросший впоследствии бородою, — был умерщвлен 5 июля 1764 года двумя своими стражниками, на двадцать пятом году от рождения, в то время как казак Минович исполнял отважное свое предприятие, желая возвратить ему свободу и престол. Тело императора Ивана Антоновича было тайно захоронено в Шлиссельбурге, и могила его неизвестна.

Есть другая версия бунта Миновича. Тогда в феврале 1763 года возник заговор против императрицы Екатерины. Заговором руководил Никита Панин. Когда заговор был раскрыт, через некоторое время его участники подговорили честолюбивого поручика Миновича освободить свергнутого Елизаветой императора Иоанна Антоновича и возвести его на трон вместо Екатерины Второй. «Минович, как видно, попал в масонскую ложу», — указывает историк С. М. Соловьев. На это есть косвенные доказательства. Когда был произведен обыск у соучастника Миновича, — неожиданно утонувшего перед переворотом поручика Ушакова, — то у него нашли отрывок из масонского катехизиса и листок с изображением разных афонских символов.

Переворот Миновича мог и удался, ведь уже не один раз после Петра I порядок наследования царской власти сводился к принципу, не имеющему ничего общего с монархическим принципом наследования власти: «Кто палку взял, тот и капрал». Так «наследовала власть» Елизавета, так ее «наследовала» и Екатерина. Вот почему Минович не видел ничего безнравственного в том, что он освободит свергнутого Елизаветой императора Иоанна и возведет его на престол. Разве Елизавета, свергнувшая императора Ивана Антоновича, не присягала ему и разве она не взяла в свою очередь присягу с его отца и матери. Разве Екатерина II не дала присягу свергнутому ею мужу Петру III?

По случаю смерти Иоанна Антоновича пошли слухи о гонениях на родственников его, якобы «находившихся в Сибири», наказаниях там и казнях, не щадя ни жен, ни детей, некоторых знатных дворянских фамилий. На самом деле Екатерина думала о даровании ссыльным брауншвегцам свободы, не забывая в первую очередь о своей безопасности на Российском престоле.

Герцог Брауншвейг-Люнебургский Антон-Ульрих, после кончины своего сына Иоанна, еще целые десять лет оставался в заточении в Холмогорском остроге.

Он не дождался свободы, которой испрашивал со слезами. Ослеп и умер 4 мая 1774 года, как значилось по деловым бумагам. А на самом деле?

Резидент французский при Польском дворе Катера называет другую дату смерти Антона-Ульриха - 1871 год, профессор геттингенский А.Ф. Бюшинг - 1776 год. Так или иначе, но в ночь с 5 на 6 мая тело Антона-Ульриха было вынесено из его темницы и тихо похоронено на ближайшем кладбище подле церкви, внутри ограды дома, где арестанты содержались. Погребение прошло без церковного обряда, так как в Холмогорах не нашлось лютеранского пастора. Не смотря на то, что сын его Иоанн был православный христианин, отец оставался католиком. На похоронах бывшего генералиссимуса присутствовали одни только воинские чины, находившиеся вверху для караула. Им строжайше было запрещено рассказывать кому бы то ни было о месте тайного погребения. В Холмогорском было две команды солдат, которые не имели ни малейшего сношения между собой. Так что привыкли к молчанию. Они не менялись в продолжение двенадцати лет, вплоть до отъезда принцев и принцесс в Данию. Тоже прожили этот срок как арестанты.

Несчастливые дети Антона-Ульриха еще шесть лет оставались в Холмогорском остроге, привыкнув к нему, как к родному дому. Вот уж, действительно, люди ко всему привыкают, даже к несчастью.

Антон-Ульрих, оставшись в силе мужества с четырьмя малолетними детьми, в стране отдаленной, и не имея с кем делить горе, избрал себе подругу, увеличившую семью его и домашние заботы. Он обитал в бывшем архиерейском доме о двух этажах, окруженном высоким забором. Две команды караулили его: одна в самом доме; другая у ворот, внутри ограды. Они не имели никакого сообщения между собой. Ключи хранились у губернатора, который приезжал из Архангельска в большие праздники. Из окон своих, заключенные видели только с одной стороны часть Двины; с другой песчаную петербургскую дорогу; с третьей представлялся им сад, в котором, кроме берез, папоротника и крапивы, не было почти никаких растений. Внутри оно, на пруду, осеняемом заросшею аллеей, плавала шлюпка, неспособная к употреблению. У пруда находился сарай, помещавший в себе старую карету, в которой позволялось заключенным отъезжать иногда на двести сажен от их жилища. Для сего впрягали в карету шесть лошадей; кучером, фореитором и лакеями были солдаты. В этом тесном пространстве земли заключались все их прогулки. Греко-российский священник читал, вместе с ними, церковные книги. Вист и ломбер были их главными увеселениями. Летом работали они в саду, ходили за курами и утками, кормили их; а зимой бегали взапуски на коньках по пруду. Сверх того принцессы занимались иногда шитьем белья. Кроме отца не имели они наставников.

В 1762 году генерал-майор Александр Ильич Бибииков отправлен был в Холмогоры Императрицею Екатериною II, с объявлением принцу Антону-Ульриху, что ему предоставляется свобода выехать из России и избрать где угодно место для своего пребывания, куда он будет препровожден с почестями, приличными его сану. Но что семейству его, по известным ему государственным причинам, не возможно еще оказать снисхождения. Все усилия Бибиикова

склонить принца к разлуке с детьми были бесполезны. Он решительно объявил, что готов лучше умереть в заключении, нежели пользоваться свободой на таких условиях.

Принц Антон-Ульрих, будучи представителем инославного Христианства (лютеранином), отнюдь не препятствовал воспитанию детей в Православной вере. Более того, незадолго перед своей кончиной он сам изъявлял желание принять Православие. Однако разрешения на перемену веры он так и не получил.

После предложения собственной свободы Антон-Ульрих двенадцать лет еще влачил горестные дни в Холмогорах, потеряв, наконец, зрение.

Принц Антон-Ульрих Брауншвейг-Люнебургский имел доброе сердце; был храбр на ратном поле; робок и застенчив в государственных советах. При самом начале заключения своего, он укорял супругу в постигшем их несчастье; но, лишись ее, вооружился мужеством и терпением; явил пример самоотвержения, достойный родительской нежности; долговременными страданиями приобрел право на уважение потомства.

4 мая 1774 года ударил его последний час принца Антона-Ульриха, отца императора Ивана. Он скончался на 60 году от рождения и на тридцатидвухлетнем сроке ссылки своей. Останки несчастного узника преданы земле близ церкви Успения Пресвятой Богородицы, на левой стороне от алтаря. На могиле его нет памятника.

В 1779 году, после поездки в Холмогоры А.П. Мельгунова, императрица Екатерина вступила в переговоры о Брауншвейгской семье с датским двором (датская королева Юлиана-Мария была сестра принца Антона). В 1780 году она повелела отправить потомков бывшей правительницы в Горсенс, выдав им 200000 рублей. Они отправились морем из Ново-Двинской крепости и после трехмесячного путешествия прибыли в Горсенс. На их содержание императрица выдавала ежегодно 32 тысячи, по 8 тысяч на каждого. Принцы и принцессы были православные; из России с ними прибыли духовенство и слуги. 20 октября 1782 года скончалась принцесса Елизавета, 22 октября 1787 года - умер принц Алексей, а 30 января 1798 года - Петр. Осталась одинокая глухая и косноязычная, умевшая говорить лишь по-русски, принцесса Екатерина. Принцесса Екатерина лишилась слуха, в тот самый день, как брат ее император Иоанн лишился престола: ее тогда уронили. Она чрезвычайно дорожила серебряным рублем с изображением младенца-императора. Принцесса Екатерина сделала рисунок тушью, изображающий место их заключения в Холмогорах. Она не училась рисовать и, со всем тем, довольно искусно представила свое уединенное убежище. Драгоценное это произведение хранил бывший тогда архимандритом полтавского Крестовоздвиженского монастыря Иосиф. Тщетно просила принцесса Екатерина (1803) императора Александра I о разрешении вернуться в Россию и окончить жизнь монахиней. Она умерла в Горсенсе 9 апреля 1807 года и погребена вместе с сестрой и братьями. Доселе в горзенской лютеранской церкви стоят на виду четыре гробницы, заключающие бранные останки отраслей царя Иоанна Алексеевича.

До революции 1917 года эта тема была табуирована по понятным причинам. Хотя и тогда были исследователи, которые занимались этой темой. Вспомним деятельность С.М. Соловьева, М.И. Семевского, Н.Н. Фирсова, В.О. Ключевского, А.Г. Брикнера, М.А. Корфа.

После революции под запрет была поставлена вся история России досоветского периода. С крушением советской власти ситуация начала понемногу меняться. Однако библиография, посвященная Брауншвейгскому семейству в России, по-прежнему очень скромна.

Это работы Е.В. Анисимова, Л.И. Левина, И.В. Курукина, Н.И. Павленко, К.А. Писаренко, А.В. Демкина, которые вводят в научный оборот малоизвестные документы из российских и иностранных архивов.

Эти документы позволяют лучше ориентироваться в хитросплетениях российской политики послепетровского времени. По-новому предстают и герои того времени: правительница Анна Леопольдовна, генералиссимус Антон-Ульрих, их дети, в том числе безвинно убиенный мученик – император Иоанн VI Антонович, имевший такие же права на Российский престол, как «дочь Петрова» Елизавета и его внук Карл-Петер-Ульрих (Петр III).

PS.

По совету священника Храма Христа Спасителя я обратился в Патриархию.

Протоиерею Олегу Митрову,

*Члену Синодальной комиссии по канонизации святых
благочинный церквей Наро-Фоминского округа Московской епархии*

Владыко!

Обращаюсь к Вам за вразумлением и содействием в моем порыве об увековечивании памяти великомученика императора Ивана Антоновича, о ком я написал драму в стихах ИМПЕРАТОР ИВАН в 2005 г. (текст из моей книги: Борис Рябухин. Российские хроники, Драматическая трилогия «Степан Разин», «Кондрат Булавин», «Император Иван» прилагаю) и очерк «Житие невинно убиенного мученика императора Ивана VI Антоновича (12(23).08.1740 - 5 (16).07.1764)» (текст прилагаю).

Думаю, интерес к секретной участи императора Ивана я возбудил в обществе своим произведением. Два-три года прошли выступления по телевидению о судьбе императора Ивана. Но на меня не ссылались. А когда недавно шел многосерийный телефильм «Екатерина», читатели в Интернете стали активнее, до 100 пользователей в день, читать на моей странице Борис Рябухин на сайте Проза.ру «Житие невинно убиенного мученика императора Ивана VI Антоновича», а на сайте Стихи.ру мою драму «Император Иван».

Хотя тираж книги «Российские хроники», и другие мои книги, я не могу продать, так как у частных авторов магазины и Интернет тиражи для продажи не берут.

В мае 2011 г. я вручил главе пресс-службы протоиерею Владимиру Вигилянскому свою книгу «Российские хроники» с подписью для Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, в надежде заинтересовать его судьбой императора Ивана. Но Святейший владыко видимо не получил мою книгу. Вопрос сложный.

Тогда я, приняв во внимание, что Ульрих, отец Ивана до смерти в заточении не дождался разрешения принять православную веру и похоронен как лютеранин, а Ивана вычеркнули не только из истории, но из всех синодиков, и отняли имя Иван, называя в заточении Григорием, то есть удалили из православного мира, я обратился через нунция в Москве к Папе Римскому Франциску рассмотреть вопрос о канонизации Ивана и всей его заточенной посмертно лютеранской семьи. Я знал этот адрес, потому что раньше ответственным секретарем журнала «Юность» вручал здесь через нунция первую литературную премию за опубликованные в журнале прекрасные стихи Папе Римскому Иоанну Павлу II (Каролю Юзефу Войтыле). Конечно, Римский Папа мне не ответил на мое обращение. Ему, по словам нунция (у меня есть его письмо), и самому нунцию понравилась моя книга «Российские хроники».

Пишу об этом грехе потому, что признавать Православной церкви святым императора Ивана затруднительно. Ведь Елизавета, которая его свергла в младенческом возрасте и заточила до конца жизни в Шлиссельбургскую крепость, Петр III и Екатерина (справочивавшая его убийство в тюрьме охранниками узника) не имели права на трон при живом российском императоре Иване (в тюрьме). Поэтому каждый их императоров навещали в темнице Ивана. А их всех все же венчали на царство иерархи церкви.

Обратиться в Синодальную комиссию по канонизации святых с инициативой прославления императора Ивана Антоновича в лике святых Русской Православной Церкви меня подвигнул священник Марк. В Храме Христа Спасителя недавно я получил в конкурсе «О казаках замолвим слово» первую премию за поэму «Степан Разин». У Отца Марка я попросил совета, как восславить императора Ивана и подарил ему книгу «Российские хроники». Прочитав ее, он дал мне электронный адрес Синодальной комиссии по канонизации святых.

Наконец, обратиться в этой Комиссии именно к Вам, владыко, меня побудила Ваша статья «Церковная политика императрицы Екатерины II на примере жития священномученика Арсения (Мацеевича)». Вам это время хорошо знакомо. И Арсений ведь сочувствовал Ивану Антоновичу.

В этой драме об Арсении я писал:

«Иван

Пристава

Меня склоняет в монастырь постричься.

Ульрих

Врут. Даже сняли сан с митрополита

Ростовского Арсения, сослали

В Архангельск, к нам. При людях он кричал,

Что неприродная императрица.

Вот если б вышла замуж за Ивана

Антоновича или его брата –

Тогда бы право на престол имела...»

«Прямо из Крестовой палаты в монашеской одежде митрополита Арсения повезли в Ферапонтов монастырь», пишете Вы. Я добавлю про себя: как оговоренного патриарха Никона. Об этом у меня написано в первой исторической драме «Степан Разин» в моей книге «Российские хроники».

Вы пишете об Арсени, что Екатерина приказала: «Враля, содержать в тамошней крепости в одном каземате, под крепким караулом, не допуская к нему ни под каким видом... никого, и ... так его содержать, чтоб и караульные не только о состоянии его, но ниже и о сем его гнусном имени не знали. Для содержания же его в караул определить тамошнего гарнизона из состоящих иноземцев. Комендант должен неослабно смотреть, чтоб оный Враль содержан был неослабно...»

Но так же содержался и мученик император Иван под чужим именем в камере-одиночке Шлиссельбургской крепости.

Понимая это, Вы оправдаете мое стремление сказать правду об императоре Иване.

Его мученическая жизнь и смерть тоже может быть отмечена, как и Арсения в Вашей статье: «Архиерейский Собор 2000 года прославил владыку Арсения в лике святых Русской Православной Церкви [4, с. 70]».

Подскажите, ради Бога, как мне, грешному, действовать в дальнейшем...

С любовью о Господе, писатель Борис Рябухин.

05 декабря 2014 г.

16 декабря 2011 в 15:30

Я не один в своем послании.

Из Белгорода
Черникова Елена <chernikova.alena2011@yandex.ru>
boryabukhin@yandex.ru
16 декабря 2011 в 15:30

Здравствуйте, уважаемый Борис Константинович!
Вновь пишут Вам из Белгорода Ваши благодарные читатели Елена Черникова и Анатолий Трунов. Мы с вами обменивались письмами весной этого года. Не так давно мы вновь перечитывали Вашу книгу "Выход в небо". У Вас удивительно интересные повести и рассказы. Но мы вновь и вновь перечитывали вслух поэму "Император Иван" и поражались глубине раскрытой Вами темы. Вам удалось задолго до того, пока в СМИ начали поднимать тему забытого императора, всё так исторически точно и правдиво написать о невинно убиенном императоре. В связи с этим у нас к Вам вопрос. Уважаемый Борис Константинович! Если Вас это не затруднит, напишите, пожалуйста, что Вас привело к изучению истории император Иоанна Антоновича?
С нетерпением будем ждать от Вас письма.

Желаем Вам доброго здоровья, благополучия и больших творческих успехов!
С уважением - Елена и Анатолий

На фото: Княгиня Анна Леопольдовна с сыном – императором Иваном